



Рисунки С. ЦЕНТОМИРСКОГО



В. САПАРИН

# НА ВОСЬМОМ КИЛОМЕТРЕ

*Научно-фантастический рассказ*

1



Гордон захлопнул дверцу кабины и вопросительно взглянул на Кашкина. Широкое лицо того расплылось еще шире.

«Валяй», — говорила его улыбка.

Гордон повернул ключ стартера. Взвыли моторы,

и вихрелет, поднимая огромные клубы пыли, оторвался от земли.

Они откинулись в своих сиденьях друг против друга, как в гондоле фуникулера. Вихрелет шел по крутой наклонной линии, нацеленной на мачту, установленную где-то у вершины восьмитысячника. В обзорное окно виднелись далекие белые зубцы, отчетливо нарисованные на столь же далеком голубом небе.

— Поехали, — с удовольствием произнес Кашкин.

Гордон промолчал.

Но Кашкин не мог молчать.

— Месяц испытаний — и в книжке еще один зачет. На восемь километров ближе к Луне. Не правда ли, напоминает настольную игру «Вверх-вниз»? Попадешь на несчастливую клеточку — и начинай сначала, а то и выбирай другую профессию.

Гордон пожал плечами.

«Раз это необходимо, то о чем говорить», — перевел Кашкин. Он вздохнул.

Гордон уставился в окно с таким каменным упрямым выражением, что не могло оставаться сомнений: он-то все испытания выдержит, сколько их там ни будет.

В окне проплывали горные хребты, похожие на сросшихся и окаменелых ящеров. Между ними зеленели долины, на пологом склоне паслись овцы — мирный и очень земной пейзаж.

На высоте пяти километров задул ветер: машину стало раскачивать. Вихрелет шел по прямой линии вдоль невидимого радиолуча, иногда повисая над пропастью, а иногда приближаясь к обледенелому выступу горы. На одном участке они попали в метель. Все вокруг заволокло, белые сумерки перешли в ночь, в кабине зажглась лампочка.

Потом сразу посветлело. Еще минута — и солнце ворвалось в кабину. Даже на лице Гордона заиграла улыбка, а впрочем, такое впечатление мог создать просто солнечный блик.

В окне проносились острые, в черных трещинах скалы, белые нависающие карнизы, почти вертикальные склоны, спадающие застывшим занавесом. Снег лежал на гранях, повернутых под разными углами к небу. Сверкающий на солнце и в ярких голубых лоскутах там, где падала тень.

— Тут полно мест, куда даже в наши дни не ступала нога человека, — с удовольствием произнес Кашкин. — Не удивительно: забраться в такие дебри потруднее, чем взойти на вершину по уже проложенным тропам.

Станция вынырнула из-за очень крутого ската — даже не отвесного, а с отрицательным углом. Если соскользнешь с такого ската, будешь лететь как в пустоте. Кто не выдерживал постоянного соседства с опасностью за время практики, мог рассчитывать съездить на Луну только по туристской путевке.

Вихрелет чуть наклонился, а может быть, так только показалось путешественникам: они увидели что-то вроде косо приколоченной полки, примыкающей к почти вертикальной стене. В длину площадка не превышала трех четвертей километра, а ширина ее колебалась от пятидесяти до ста метров. Вдоль наружного края стояли высокие столбы, между которыми была натянута сетка с крупными ячейками.

Кашкин удивился.

— Что, они здесь в футбол играют, что ли?

Но территория станции меньше всего напоминала футбольное поле. Неровная, во вмятинах, усыпанная обломками скал, она неприятно наклонялась к внешнему краю.

По всему участку кто-то щедрой рукой разбросал будки с приборами, зеркала на массивных тумбах, ловушки космических частиц и фантастической формы сооружения, о назначении которых сразу трудно было догадаться.

— Решили, видимо, испытать нашу работоспособность, — снова заметил Кашкин. — Скучать не будем!

Гордон опять промолчал.

«Ну и держи свои впечатления про себя», — подумал Кашкин и радостно заорал:

— Приготовиться к посадке! С прибытием на Луну! Пассажирам надеть скафандры!

Гордон покосился на Кашкина, но протянул руку к пакету в багажной сетке.

Вихрелет подошел к мачте на краю площадки и, подняв снежную метель, осторожно сел.

Гордон и Кашкин надели скафандры. С таким же расположением застеек и карманов, как у лунных, с такими же прочнейшими прозрачными шлемами.

Распахнув дверцу кабины, Кашкин вышел на порог, постоял секунду и прыгнул в снег. Он почувствовал, что у него словно развернулись крылья. Мягкий скафандр раздулся, как аэростат, и Кашкин пролетел метра на полтора дальше, чем рассчитывал. Не Луна, конечно, но считаться с поправочным коэффициентом при любом физическом усилии отныне придется.

Гордон приземлился рядом, и они зашагали к станции.

Когда они вышли на возвышенное место, Кашкин огляделся и подумал, что защитную сетку не мешало бы поднять на метр, а то и на два. Если задует ветер, к тому же под гору, недолго и перелететь наподобие волейбольного мяча.

«Наверное, все рассчитано, — успокоил он себя. — На самой небось грани. Риск, конечно, есть. Без риска вся затея ничего не стоит».

Ему вдруг стало весело. Захотелось побежать, слепить снежок и бросить в Гордона. Тот продвигался осторожно, словно на каждом шагу его подстерегала ядовитая змея или другая неведомая опасность.

Конечно, получить травму здесь проще простого. И вихрелет отвезет тебя вниз, а на Луну полетит кто-то другой, потому что в твоей зачетной книжке в графе «практика на высокогорной станции» появится прочерк. Осторожность тут тоже что-то вроде дисциплины, по которой ставят баллы.

Помещение станции было вырублено в теле горы. Над входом нависал толстый козырек. На Луне такие козырьки прикрывали от метеоритов; здесь, вероятно, защищали от скатывающихся сверху камней.

На стук кулаком в дверь никто не отозвался.

Кашкин принялся раскручивать штурвал рядом с дверью. Массивная плита на невидимых шарнирах стала медленно отходить.

«Чего они прячутся? — подумал Кашкин. — Могли бы и встретиться».

Шлюзовая камера свободно вмещала двух человек. Наружная дверь закрылась, послышалось слабое шипение — скафандры стали «худеть», открылась вторая, внутренняя, дверь. Вошедшие очутились в комнате с округленными углами. По стенам располагались шкафчики, циферблаты, краны, тьма всякого оборудования. В одном из углов возвышалось бюро с раскрытым журналом дежурств и высокой тумбой с вращающимся сиденьем. Салон. Рабочий кабинет. И одновременно — столовая. Посредине комнаты стоял обеденный стол, накрытый на четырех человек и окруженный четырьмя креслами.

— Ребята! — закричал Кашкин, отстегнув шлем. — Смена пришла. Где вы там?

Ответа не было.

Пока Гордон методически, по всем правилам освобождался от скафандра, Кашкин успел заглянуть в спальню, лабораторию, камбуз. Открыл дверь туалета и неизвестно зачем пустил воду из крана над раковиной.

Растерянная улыбка поползла по его лицу.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Они еще не перешли на «ты». Кашкин счел момент подходящим.

Гордон подошел к бюро. Он увидел на раскрытой странице дневника дежурств готовую запись о сдаче и приеме станции. Она была помечена сегодняшним числом: оставалось поставить подписи.

Из камбуза доносился аппетитный запах обеда.

— А может быть, — произнес неуверенно Кашкин, — может быть, это входит в программу испытаний?

Среди практикантов ходили слухи, что для каждой пары стажеров подготавливался специальный сюрприз, чтобы посмотреть, как кандидаты в «лунатики» станут себя вести в неожиданной ситуации.

— Нужно допросить протоколиста, — быстро сообразил Гордон.

Он подошел к неширокому растробу, выступающему из стены, щелкнул тумблерами «вопросы» и «ответы».

— Где Горышев и Дубровский? — громко спросил он.

— Горышев отправился ко всем чертям, — ответил протоколист. — Дубровский последовал за ним, — добавила машина после паузы.

— Что за чертовщина? — вытаращил глаза Кашкин. — Машина спятила!

— Когда ушли Горышев и Дубровский? — спокойно задал вопрос Гордон. Он говорил почти таким же ровным голосом, каким отвечала машина.

— Горышев — в 13.20. Дубровский — спустя десять минут.

Кашкин посмотрел на часы.

— За двадцать минут до нашего прибытия! Значит, они там, снаружи... Как же мы проглядели?

Он шагнул к входной двери.

Дверь не поддавалась. Кашкин сильнее дернул рукоятку. Тогда дверь произнесла:

— Застегнуть скафандр!

Кашкин досадливо крикнул.

Тут все вещи связаны сигнализацией — скафандры, дверь, протоколист, и, конечно, промах Кашкина уже зафиксирован где-нибудь на магнитной нити и войдет в обобщенную сводку его ошибок. Впрочем, пока это учеба, тренировка, первый день... Эти милые автоматы приучат Кашкина к необходимой автоматичности. Не в том ли смысл всей практики на станции — в конечном и, надо надеяться, суммарном балле?

— На площадке никого не было, — сказал Гордон. — Я внимательно оглядел ее с вихрелета.

Кашкин стоял посреди комнаты в скафандре, который он так и не успел снять.

— Надо послушать запись их разговоров, — сообразил он наконец. — Самых последних.

«Неплохая идея», — отразилось на лице Гордона. Разыскав счетчик времени, он стал крутить диски.

— Ставлю на 13.17.

Машина весело заговорила голосом Горышева:

— Ну, я пошел встречать этих чертей. А тебе ни пуха ни пера.

— Пошел ко всем чертям. — Дубровский произнес традиционную фразу почти без всякого выражения.

— Советую отладить юмор!

— Хватит, — ворчливый голос человека, занятого работой.

Звук закрывающейся двери.

— Так, — вмешался Кашкин. — Черти — мы. Горышев пошел нас встречать. А что делал Дубровский?

— Тсс... — Гордон предостерегающе поднял руку.

Шорохи. Вздых. Тонкий пронзительный свист. Стук упавшего предмета. Быстрые шаги. Чмокание двери.

— Теперь пойдет пауза до нашего прихода.

— Есть запись наружной обстановки? — спросил Гордон протоколита.

— Второй канал неисправен.

Гордон пощелкал тумблером «Второй канал».

— Действительно. Итак, подведем итоги. Что можно считать установленным? Горышев пошел нас встречать. Дубровский чинил неисправный наружный канал, чтобы сдать станцию в порядке. Горышев не подозревал о чем-то. Дубровский побежал предупредить об этом «что-то» Горышева, а может быть, и нас. Неизвестное «что-то» предположительно связано с загадочным свистом.

— Логично. Если только... если только все это не розыгрыш! Давай обыщем как следует помещения станции. Может быть, мальчишки сидят где-нибудь в стенном шкафу. И посмеиваются над нами.

— Проверим на всякий случай.

Они обследовали заново каждую пядь. Заглядывали под кровати, под стол и кресла, открывали двери и дверки, не исключая шкафчика дежурной аптечки.

— Все, — сказал Кашкин, отряхивая пыль с колен. — Если они не превратились в мышей, их здесь нет. Значит, они прячутся снаружи. Надевай снова скафандр.

Выйдя на площадку, они увидели, что от двери станции по

свежевыпавшему снегу тянутся две пары следов, которые прежде не привлекли их внимания. Следы шли в направлении, противоположном тому, откуда прибыли Кашкин и Гордон после высадки с вихрелета.

— Выходит, Горышев встречал не нас. Значит, черти не мы! — воскликнул Кашкин. — Кто же... Что за черт!

Они прошли всего несколько десятков шагов вдоль следов. Дальше следы обрывались. Вокруг лежали снежные заструги, чистые и нетронутые.

Кашкин невольно поднял глаза к небу.

— Не улетели же они? Какие черти могли их унести?

Небеса не дали ответа.

Тогда Кашкин огляделся по сторонам. Он увидел на скалистой стене, к которой примыкала площадка, изображение черепа и скрещенных костей. Рядом со знаком, предупреждающим об опасности, нарисованным прямо на скале, виднелась грубосколоченная дверь. Очевидно, она прикрывала нишу или вход в небольшую пещеру.

— Трансформаторная будка? Склад?

— В описании станции ничего не говорится на этот счет, — твердо сказал Гордон.

— Ты, наверное, выучил его наизусть, — позавидовал Кашкин. — Значит, хибару соорудили Горышев и Дубровский.

— И не сообщили на Землю!

— А надо докладывать о таких пустяках?

— В еженедельной сводке. Ты не читал инструкции?

— Я полагал, что успею почитать ее здесь. Так, может быть, они там и сидят? Соорудили эту штуку, чтобы нас озадачить, и нарочно не сообщали!

— А следы?

— Разберемся после. Какой-нибудь трюк... От этих мальчиков всего можно ждать.

Подойдя к двери, они обнаружили висящий на ней странный предмет. Кашкин потрогал металлическую скобу, соединенную с коротким цилиндром.

— А это еще что за знак?

— Это не знак, а замок.

— Из какого музея?

— Сами сделали.

— Выходит, там их нет. Но для чего мог им понадобиться замок?

— Запирать.

— Что и от кого?

— Я не удивлюсь, если это «что-то» или этот «кто-то» свистит.

Кашкин заинтригованно гмыкнул.

— Что говорит по этому поводу инструкция?

— По инструкции мы обязаны сообщать обо всем необычном на Землю. Но связь будет только в шесть утра. Так устроен передатчик.

— Игра в Луну? Значит, до утра они могут морочить нам голову! Самое лучшее — сделать вид, что ничего не произошло. Им надоест — и они вылезут сами.

— Я предлагаю. — Гордон нахмурился. — Первое — не раз-

лучаться, ходить вдвоем, как в патруле. Второе — разыскать ключ и выяснить, что за дверью.

— Ты встревожен?

— Мы не знаем, что тут происходит.

2

— Где может быть ключ? — Кашкин посмотрел на стены. — Раньше их вешали на гвоздь. Я читал в каком-то романе. Но здесь нет гвоздей.

— Их держали еще в ящиках письменного стола.

— Спросим протоколиста. Для чего-то он существует. Слушай, друг, — Кашкин обернулся к воспринимающему приказанию раструбу. — Ты слышишь?

— Слышу, — ответила машина.

— Не знаешь, где ключ?

— Нет.

— Вообще о ключе Горышев и Дубровский при тебе разговаривали?

— Нет.

— А о чем они разговаривали?

— О разном.

— Толковый ответ. А о чем больше всего в последнее время?

— О снежном человеке.

— Это еще что за зверь?

— Человекообразная обезьяна, — сообщил протоколист.

— Ну и что они говорили?

— Горышев говорил, что он встретил снежного человека.

— Черт возьми! — оживился Кашкин. Он вопросительно посмотрел на Гордона.

— Чепуха, — сказал Гордон. — Старая легенда. Обезьяна, если она и существовала, вымерла лет двести назад. Никто ее не видел. Из ученых.

— Воспроизведи разговор, — потребовал Кашкин у протоколиста. — Самый первый. О снежном человеке.

— Это продолжение разговора, — сообщил протоколист. — Начала я не слышал. Разговор начался на территории, а наружный канал... — протоколист запнулся. — Пошаливал. Воспроизвожу запись.

— Хватит мистификаций, — послышался голос Дубровского. — Сначала ты выдумал, что нашел куст земляники в снегу, а я, как дурак, бегал его смотреть. Потом ты сказал, что у тебя болят зубы каждый раз перед тем, как падают лавины, и я пытался построить теорию с ультразвуками. Теперь ты фантазируешь насчет снежного человека.

— Почему фантазирую?

— Ты очень несерьезный человек. Я даже не знаю, что о тебе думать.

— А что ты думаешь об этих фотографиях?

— Фотографии! — воскликнул Кашкин. — Горышев показал фотографии?

— Да, — подтвердила машина. — Шесть фото.

— Где фотографии?



Кашкин подпрыгивал от нетерпения.

— В ящичке бюро.

Даже Гордон не выдержал. Он подошел к бюро и стал выдвигать один ящик за другим. Очень скоро он положил на стол шесть снимков.

С небольшими изменениями в ракурсе они изображали одно и то же существо, походившее не то на обезьяну, не то на дикого человека. Низкий лоб с выдающимися надбровными дугами, неразвитый нос, покатые плечи, длинные узловатые руки и короткие, как у медведя, ноги. Снежный человек стоял, приклонившись спиной к скале, чуть наклонясь вперед, повернув голову. Глаза едва различались под нависшими волосами.

— Да... Красавец! — восхитился Кашкин. — Но какова сенсация! — пришел он в еще больший восторг. — Вот это, я понимаю, открытие!

— Почему они о нем умалчивали? — в недоумении произнес Гордон. — Не понимаю... Почему, — спросил он протоколиста, — сообщение о снежном человеке не передали на Землю?

— Горышев сказал, чтобы сообщение передал Дубровский. Дубровский говорил, чтобы передавал сообщение Горышев.

— Нелепый спор, — удивился Гордон. — Почему Горышев хотел, чтобы передавал Дубровский?

— Потому что Дубровский в эти дни был старшим смены.

— А почему Дубровский считал, что сообщить о снежном человеке должен Горышев?

— Потому что Горышев сделал открытие.

Кашкин вдруг свистнул.

— А что, если их утащили снежные люди?

— Какие еще снежные люди? — рассердился Гордон. — На снимках одна и та же обезьяна.

— Но не могла же эта обезьяна существовать в одиночку! Их, может быть, целое стадо. Дубровский чинил наружный канал, включил его на какую-то секунду, услышал свист вожака и бросился на выручку Горышева. Они утащили и его.

— Не оставив следов на снегу?

— Может быть, они прыгают метров на двадцать сразу.

— С такими ногами не прыгнешь!

— Тогда могли бросить аркан или еще что-нибудь. И втянуть прямо на скалы. Уж, наверное, снежные люди — отличные скалолазы.

— Гм. — Гордон заколебался. — Ты, я смотрю, фантазер.

— Теперь понятно, почему они сделали замок, — продолжал возбужденно Кашкин. — Простой засов обезьяна легко откроет. Замок — против снежного человека. Но что они прячут на складе? Ну-ка, — обернулся он к протоколисту, — можешь ответить на такой вопрос: что на складе, понимаешь, там, в пещере, снаружи, под замком?

— Снежный человек, — ответил протоколист.

— Вот это номер, — озадаченно прошептал Кашкин. — Были бы мы хороши, если бы нашли ключ и открыли дверь. Так вот что означает череп с костями! Напоминание об осторожности.

— Надо взять сверло, — сказал Гордон, — и фонарик.

...Осмотрев внимательно дверь, они убедились, что в толстых досках кто-то уже пробурил с десяток отверстий.

— Для воздуха, — сообразил Кашкин. — А замок — чтобы сородичи не выручили.

Он прильнул к одной из дырок.

Гордон пристроился к соседнему отверстию.

Луч фонарика уперся в стену пещеры.

Оба вздрогнули. Прямо против них, прижавшись к стене, стояло существо, которое они только что рассматривали на снимках.

Снежный человек стоял в позе напряженной неподвижности. Крупными ноздрями, обращенными вперед, он, видимо, втягивал воздух. Ростом он превышал человека.

— Осторожнее... — прошептал Кашкин. — Видишь, в лапище камень! Запустит в глаза...

Оба затаили дыхание. Ни звука не доносилось и из пещеры. Снежный человек замер.

Гордон переместил фонарик, приложил к другому отверстию. Луч ударил в скошенный лоб, сверкнули в бурых космах точечки зрачков.

Что-то знакомое показалось Кашкину в этом взгляде.

— А ну-ка, пошумим! — предложил он вдруг.

И принялся барабанить в дверь рукояткой сверла.

Обезьяна даже не шевельнулась.

— Сдохла? Муция? Труп?

Кашкин уже снимал замок.

— Бутафория, — бросил он. — Не требуется никакого ключа.

Он распахнул дверь. У стены все в той же позе, в точности повторяющей изображение на фото, стояло чудовище, еще более страшное при дневном свете.

Кашкин подошел к снежному человеку и взял его за подбородок.

— Камень, — сказал он. — А глаза — из застежек от комбинезона.

Теперь и Гордон мог убедиться, что из стены выступал рельеф.

— Сработано грубо, но впечатляет, — произнес Кашкин. Он отступил на шаг. — Конечно, люди дотошные найдут разные отступления в анатомии. Но ведь как живой!

— Грандиозная мистификация, — нахмурился Гордон. — За чем?

Они обернулись и посмотрели на заснеженную площадку, где обрывались следы.

— Был миг, — признался Гордон, — когда я подумал, что, может быть, они заперты здесь, в пещере. Ты с твоими фантазиями подействовал и на мое воображение. Какой-то конфликт со снежным человеком мог кончиться тем, что они оказались бы внутри, а он снаружи: защелкнуть замок обезьяне ничего не стоит.

— Они увидели бы нас в дырку и подняли шум.

— Про дырки я не знал.

— Где же все-таки ребята?

Тихо. Безветренно. Снежинка, слетевшая с кручи, сверкая на солнце, легла на белую пелену.

Впервые щемящее чувство тревоги словно пронзило Кашкина. Опасности не бутафорские, а самые настоящие окружали живущих на восьмом километре к Луне.



— Мы не приблизились к решению загадки ни на шаг, — огорченно резюмировал Кашкин.

И тут же хлопнул себя по лбу. Удар, правда, пришелся по пластиковому шлему.

— Мы дураки, — убежденно сказал он. — Самые настоящие остолопы. Мы не подумали о ветре.

— При чем здесь ветер? — удивился Гордон.

— Несчастье! — воскликнул Кашкин. — Произошло несчастье! Их унесло ветром!

— Ну, знаешь...

Но Кашкин уже шагал к месту, где обрывались следы.

— Местность идет под уклон. Видишь? Порыв ветра — и их нет.

— Я скорее поверю, что они провалились сквозь землю, — сказал Гордон. Он попробовал сделать несколько шагов в направлении, куда вели следы. Снег был неглубокий, едва больше, чем по щиколотку, грунт под ним твердый.

— Здесь не провалишься. Ни ямы, ни канавы.

— Я же говорю: их подхватил порыв ветра.

— В ветер я не верю, — возразил Гордон. — Мы прилетели — был полный штиль. Но давай посмотрим.

До ограды шла снежная целина. Дальше сквозь редкие ячейки сетки виднелся склон, круто уходящий вниз. Шагах в пятнадцать начинался уже обрыв. На снегу ни царапины.

— Если они перелетели через ограду, — неуверенно сказал Кашкин, — то их пронесло прямо туда...

Он вздрогнул.

— Ты куда?

Кашкин, цепляясь за проволочные узлы, лез на сетчатую стену.

— Выходить за границы территории станции категорически запрещено, — глухим твердым голосом произнес ближайший столб.

— Интересно, что сказал этот столб, — пробурчал зло Кашкин, — когда Горышев и Дубровский пролетели тут по воздуху. Все предусмотрено, а людей нет!

Кашкин продолжал висеть на сетке, не обращая внимания на предупреждающие возгласы столба. Наконец он слез.

— Ничего не видно.

— Поговорить еще разок с протоколистом? — в раздумье произнес Гордон.

— Эта машина только сбила нас с толку! — Кашкин говорил с досадой. — Не понимает юмора, не знает студенческих поговорок — представляю, как она изобразит наше поведение. В ее изложении мы будем выглядеть полными идиотами. Я, во всяком случае. Ты, конечно, ей больше импонируешь.

— Ты зря злишься! Машина ни в чем не виновата. Горышев специально мистифицировал Дубровского. И уж если он поверил в снежного человека, чего ты хочешь от машины? Главная беда в том, что неизвестно, о чем спрашивать протоколита. Нужны новые данные, тогда появятся и новые вопросы. Знаешь что? Посмотрим показания всех приборов за час до нашего прибытия!

— Вдруг зафиксировали землетрясение?

— Я бы не исключил и землетрясения.

Они еще раз оглядели площадку, сверкающую голубизной под безоблачным небом. Будки и будочки, приборы, стоящие открыто, и ни одного следа возле них.

— Сегодня их не осматривали, — заметил Кашкин.

— По расписанию это должны делать мы. Их проверяют раз в два дня. Регистрационные устройства — внутри станции.

### 3

Поделив ленты с графиками, они уселись за стол и, сдвинув в сторону тарелки, погрузились в изучение материалов.

— Землетрясения не было, — констатировал Кашкин. — Не считая двух, эпицентры которых находились в четырех и в шести тысячах километров.

— В солнечной радиации особенного ничего не происходило, — бормотал Гордон. — Космические лучи — в норме.

Они смотрели все подряд.

Еще шуршание лент, нечленораздельные восклицания. И вдруг...

— Вот, — звенящий голос Кашкина. — Я говорил!

Он поднес к глазам Гордона голубоватую ленту. Гордон взглянул на зубец, в который уткнулся палец Кашкина.

— Что это?

— Ветер. Видишь — почти прямая линия? Штиль. И вдруг — острый всплеск. Затем затухающие зигзаги. И снова штиль — ровная линия. По времени... по времени... сходится! 13 часов 34 минуты. Сильный порыв ветра! Что?

— Сильный? — Гордон берет из рук Кашкина ленту. — Где

тут масштаб? Ну, знаешь, таким порывом двух взрослых мужчин не поднимешь в воздух.

— Ты забыл про скафандры! Они же настоящие аэростаты. Ты же знаешь: чем сильнее ветер, тем плотнее становится воздух. И вот наступает момент, когда...

— Срабатывают клапаны, — холодно закончил Гордон. — Подъемная сила скафандров постоянна. Специально устроено, чтобы походило на постоянную разницу в весе на Луне.

Но Кашкина не так легко было заставить отказаться от мысли, если она его захватила.

— Тут ничего не стоит упасть и стукнуться, — сказал он. — Ударился клапаном о камень — и пожалуйста: клапан вышел из строя.

— У обоих сразу?

Кашкин задумался не больше чем на секунду.

— У одного. Дубровский вспомнил про неисправный клапан в скафандре Горышева и побежал за ним. Только схватил его, тут вдруг задул ветер и перенес обоих через сетку.

Кашкин так ясно представил себе картину, что вскочил с кресла.

— Надо взять трос и обследовать провал. Плевать на то, что скажет по этому поводу бетонный столб.

Он сделал шаг к двери.

— Скафандр, — равнодушно заметила дверь.

Кашкин остановился и стал оглядывать себя.

Гордон махнул рукой.

— Версия отпадает, — устало сказал он. — Дверь не выпустит человека в неисправном скафандре. Если в скафандре что-то не в порядке, он сам просигнализирует об этом.

Кашкин медленно вернулся на свое место.

Гордон молчал на этот раз очень долго. Он напоминал шахматиста, ищущего ответ на сложный ход противника.

— Секрет, наверное, самый простой, — сказал он наконец. — Тебе не кажется, что Дубровский и Горышев просто не могли нигде исчезнуть с территории станции? Вихрелет исключается. На скальную стену не забраться даже альпинистам. Через забор не перелетишь. До сих пор мы разбирали варианты того, как они покинули территорию станции. Теперь предположим, что они здесь.

— Как же ты объяснишь следы?

— Следы могут не иметь никакого отношения к исчезновению Горышева и Дубровского.

— Новая версия?!

— Просто я более критически оцениваю факты. Следы могут быть старыми.

— Снег свежий.

— А ты знаешь, как здесь падает снег? Здесь ветры дуют под всеми углами. Старые следы могли оказаться в зоне случайного затишья.

— Но ведь не можем же мы обследовать всю территорию сантиметр за сантиметром, переворачивая каждый камень, наподобие того, как обыскивали эти комнаты? Нам не хватило бы и двух недель.

— Разумеется. Если до шести утра ничего не придумаем, со-

общим на Землю, вызовем людей. Но что делать сейчас? У тебя есть идея? Пусть самая фантастическая?

— Увы, — уныло сказал Кашкин, — моя фантазия иссякла.

— У меня тоже нет никакой гипотезы, — сознался Гордон. — Ну, давай подумаем, — предложил он. И погрузился в размышления.

Но Кашкин не мог долго оставаться наедине с собой. Он стал думать вслух.

— Интересно, как выглядят эти парни? — Он покряхтел. — Очень разные люди, судя по тому, что мы о них успели узнать. Горышев может выдумать любую ерунду. Дубровский — мужик серьезный. Если берется за что-нибудь, то уж это дело: исправление канала наружной связи, исследование... Что он исследовал, когда Горышев принялся морочить ему голову своим снежным человеком? Не помнишь?

— Что-то связанное с ультразвуками. Кажется, способы предупреждения о лавинах.

Кашкин оживился.

— Послушай, — обратился он к протоколисту. — Здесь бывают лавины?

— В горах-то? — удивился Гордон. — Где же им быть?

— Я не тебя спрашиваю. На территории станции лавины бывают? Ну, шевели своими клетками! Что-то ты долго соображаешь!

— Лавиноопасен западный участок, — ответил протоколист.

— Лавины сильные?

— Слабые. Большие лавины минуют станцию.

— Ты думаешь... — просветлел Гордон.

— Вот именно. Мы шли от Горышева, а надо было идти от Дубровского. Ну-ка, машина! Дубровский конструировал прибор для прогнозирования лавин?

— Да, — ответил протоколист.

— Где прибор?

— Установлен на территории станции.

— Где именно?

— На западном участке.

— В каком месте?

— Дубровский нанес на карту.

— Где карта?

— В нижнем ящике бюро.

— Гениальная машина! Беру назад все критические замечания.

— Нашел карту? — обратился он к Гордону.

Тот рылся в ящике бюро.

— Вот она. — Гордон расстелил карту на столе. — Западный участок — там, куда вели следы.

— А место, где установлен прибор, помечено?

— Сейчас... Тут много всяких пометок. Ага, есть надпись: «лавиноскоп».

— Отлично! — Кашкин сидел в кресле, скрестив руки на груди, и не глядел на карту.

— Теперь нанеси на карту следы до того места, где они обрываются. Нанес?

— Примерно так.  
— Приложи линейку, — в голосе Кашкина звучали торжествующие ноты. — Проведи линию от конца следов к точке с надписью: «Лавиноскоп». Провел? Вот на этой линии и надо их искать.

4

— Прибора нет, — сообщил Гордон. Он держал в руках карту и сличал ее с местностью. — Может быть, Дубровский передвинул его, — добавил он с сомнением.

— Рельеф на карте показан?

— Нет, это план.

— Можешь определить место, где должен находиться лавиноскоп?

— Видишь черный камень, выступающий из снега? Правее, метров десять.

— Туда и возьмем прицел.

Они двигались по белому полю, тыча лопатами в снег. Поверхность снега оставалась ровной, но грунт под ногами понемногу понижался. Они словно входили в реку. Вот уже по колено.

Гордон издал восклицание и провалился по пояс.

— Тут яма.

— Начнем прокладывать траншею.

Снег был легкий и сыпучий. Он плохо держался на лопатах.

Через полчаса они выдохлись.

— Передышка пять минут, — объявил Кашкин.

Гордон оперся на лопату.

— Расскажи, как тебе рисуется картина?

— Проще простого, — ответил Кашкин. — В этом отношении ты оказался прав. Дубровский мудрил над прибором, улавливающим наступление лавин. Что-то должно предшествовать падению лавины. Какие-то процессы внутри нее, помимо накопления самой массы снега. Ведь лавины обрушиваются и при полном безветрии. Что-то подготавливает их к тому, что они срываются от хлопка в ладоши. Видимо — я не специалист, только предполагаю, — это связано как-то с ультразвуками или может быть обнаружено с помощью ультразвуков. Когда Горышев пошутил, что у него ноют зубы перед падением лавины, Дубровский допустил, что так могло быть на самом деле. Его прибор работает с ультразвуками, а перевести их на слышимый звук ничего не стоит. Свист — это и есть сигнал о том, что лавина вот-вот обрушится. Свист ничего не говорит о времени, когда это произойдет. Связь между Дубровским и Горышевым не действовала — наружный канал вышел из строя. Работала только связь с приборами. Она осуществляется по отдельным каналам. Дубровский услышал свист и побежал предупредить Горышева. Лавина настигла их где-то вот тут. Засыпала следы, их обоих и прибор. Лавина небольшая, может быть, слабый оторок — поэтому на общем виде местности она особенно не отразилась. Мы ведь не знаем, как выглядит эта местность по-настоящему? Вернее, как она выглядела вчера. Здесь все меняется каждый день. Есть и косвенное подтверж-

дение — воздушная волна от лавины зафиксирована ветромером.

— В твоём рассуждении, — сказал Гордон, берясь за лопату, — есть одна логическая неувязка. Зачем Горышев пошел в направлении, прямо противоположном тому, где находится посадочная площадка вихрелета? Ведь черти, которых он пошел встречать, мы, а не снежные люди.

— Не берусь все объяснять. Оставим какие-то разгадки до встречи.

Они покопали еще минут двадцать. Снег вокруг лежал уже на уровне плеч. Казалось, они уходили больше в глубину, чем продвигались вперед.

— Мы можем провести траншею мимо, — не выдержал Гордон. — Ведь они не ходят по линейке. У них наверняка тут тропы, по которым они шагают от будки к будке.

— Я думаю, в экстренном случае они должны побежать по прямой.

Лопата Кашкина уткнулась во что-то тугое и твердое.

Он отбросил лопату и опустил на колени. Из снега торчала ребристая подошва с каблучком в форме подковы.

Человек лежал вдоль направления траншеи, и им пришлось изрядно повозиться, пока они отрыли его. Последней освободили от снега голову. Тут только человек зашевелился. Он сел. Сквозь шлем, облепленный снегом, различались квадратное лицо, твердый подбородок, голубые глаза. Человек провел рукавицей по поверхности шлема, оставив прозрачную полосу. Затем рывком сел.

— Дубровский, — представился он. — Горышева откопали?

— Где его засыпало?

— У лавиноскопа. Сейчас покажу.

Дубровский поднялся на ноги. Широкоплечий, баскетбольного роста.

— Сколько осталось кислорода? — поинтересовался Гордон.

Дубровский взглянул на счетчик на рукаве.

— На двадцать девять минут.

— А у Горышева?

— Не больше. Запас ограничивают, чтобы приучить к экономии и к постоянному слежению за дыханием.

Гордон и Кашкин переглянулись.

— Мы не успеем. За час мы прошли меньше половины расстояния до лавиноскопа.

Дубровский взглянул на лопату.

— Чем вы копаете?

— Всем, что нашли на станции.

— В сарае снегомет.

Кашкин побежал к складу.

— Из-за этого дурацкого снежного человека, — рассердился Гордон, — мы не осмотрели склада. Игра могла кончиться очень плохо.

Он вспомнил про череп с костями, и ему захотелось выругаться.

Дубровский сделал несколько движений руками и окончательно пришел в себя.

Кашкин притащил снегомет, по виду напоминающий плуг. Дуб-



ровский направил острие в сторону торцовой стенки траншеи, сжал рукоятки. Тотчас снежные вихри забили в стороны, снегомет двинулся вперед, вонзаясь в нетронутый пласт. Дубровский шел ровным шагом, положив руки на рукоятки, и, покручивая ими, управлял механизмом.

С каждым шагом ход углублялся.

— Тут ложбина, — пояснил Дубровский. — Скаты играют роль звукоулавливателя. Я поставил лавиноскоп в самом глухом месте.

## 5

Горышев не лежал, а сидел под трехметровым пластом снега. Он зашевелился сразу же, едва получил возможность двигаться. Рядом в раскопанном снегу торчала головка лавиноскопа, шестигранная, похожая на большую гайку.

— Кислород? — спросил Гордон.

— На красной черте.

Гордон и Кашкин подхватили Горышева под руки. Невысокого роста, смуглый, с выражением нетерпения на лице, он двигал руками и ногами, слозно хотел согреться. Они побежали к станции. Дубровский еле поспевал с лопатами и снегометом на плече.

Вдруг Горышев остановился.

— Зубы, — сказал он.

— Что с зубами? — спросил Гордон.

— Ноют.

Дубровский поморщился.

— Опять начинается... Еще не отдышался, а уже...

— Смотрите, — воскликнул Кашкин. С дальнего склона покапала белая струйка.

Дубровский бросил в снег лопаты и «плуг» и побежал к лавиноскопу.

## 6

Придя на станцию, Гордон и Кашкин помогли Горышеву снять скафандр и усадили его за стол.

Вскоре появился Дубровский.

— Зафиксировал, — объявил он с порога. У Дубровского был довольный вид.

— Еды, — попросил Горышев. — Я так проголодался, пока возился под снегом.

— А я не двигался, — сказал Дубровский, расстегивая скафандр. — Даже спал.

— Выдержка, — удивился Кашкин.

— Экономия кислорода, — объяснил Дубровский.

Разогреть обед было делом минуты.

— Я вижу, спячка благотворно сказывается на аппетите, — заметил Горышев, глядя, как Дубровский отправляет в рот ку-

сок за куском. — Теперь я понимаю, почему медведи весной голодные.

— При чем здесь медведи? — Дубровский пожал квадратными плечами. — Медведь спит всю зиму. И существует за счет накопленных запасов жира.

— Да, я забыл вам представить своего напарника, — сказал трагическим тоном Горышев. — Должен предупредить: этот юноша не понимает юмора.

— Не люблю глупых шуток, — подтвердил Дубровский.

— Например, про зубы.

— С зубами я был неправ, — серьезно сказал Дубровский. — Охотни приношу извинения. Последний случай очень убедительный.

— Ну вот, — жалобно воскликнул Горышев. — А с зубами я как раз пошутил.

— У него не отличишь, — с огорчением произнес Дубровский, — когда он говорит серьезно, а когда паясничает.

— Тогда, в первый раз, зубы у меня действительно болели, — пояснил Горышев, гримасничая. — Но это оттого, что я пил ледяную воду. Про лавину я сболтнул просто так. А она вдруг возьми и свались.

Гордон решил прервать перепапку.

— Как вы очутились у лавиноскопа? — спросил он.

— Глупость, — усмехнулся Горышев. — У меня занули зубы. Честное слово! — предупредил он реплику Дубровского. — И я подумал... Ну, понимаете, Дубровский со своим серьезным отношением ко всему на свете может хоть кого сбить с толку. В общем я... мне пришлось в голову... вдруг и правда зубы имеют отношение к лавинам? Смешная мысль, конечно. Я лично понимаю. Ну, я пошел к лавиноскопу поглядеть, что он показывает. Тут лавина меня и накрыла.

— Ну хорошо, а снежный человек? — спросил Гордон, откидываясь в кресле.

Они покончили с обедом. На столе стояла ваза с фруктами.

— Попробуйте каждый день общаться с человеком, у которого нет чувства юмора, — горячо заговорил Горышев. — Я в шутку сказал, что в снегу расцвела земляника. Он поверил. Я сострил про ноющие зубы, он стал писать диссертацию. Тогда с досады я выдумал историю со снежным человеком.

Он взял яблоко и принялся грызть его.

Дубровский встал из-за стола и, не проронив ни слова, взялся за дело, от которого оторвался три часа назад. Он поднял с пола отвертку и, придвинув кресло к панели, принялся искать повреждение в блоке наружного канала.

Гордон изучающе глядел на Горышева.

— Жаль, — сказал он после паузы, — что вам не придется работать на Луне.

Подвижное лицо того выразило удивление.

— Почему?

— А вы смогли бы вдвоем с Дубровским дежурить год?

— Нет, — вырвалось у Горышева. — И я заявляю самоотвод, — сказал он более спокойно. Он положил огрызок на тарелку и совсем успокоился. — Ведь пары можно подбирать

в разных комбинациях, — разъяснил он. — И есть станции, где дежурят по шесть человек. Даже по восемь.

— И на каждое место три кандидата! — воскликнул Кашкин. — Кажется, я начинаю понимать, для чего нас сюда присылают! Горышев улыбнулся.

— Если вы имеете в виду совместимость характеров, — протянул он, — то... в конце концов чувство юмора...

Гордон резко остановил его.

— Я тоже не лишен чувства юмора, — заявил он. — Но с вами я не стал бы дежурить.

Кашкин после небольшого раздумья присоединился.

— Я, пожалуй, тоже. Хотя характер у меня легкий. Даже с налетом легкомыслия.

Горышев испытующе поглядел на друзей.

— Три человека — три несовместимости, — подытожил Гордон.

— Достаточно, чтобы вылететь из кандидатов, — резюмировал Кашкин.

— Вы шутите? — воскликнул Горышев.

Он вдруг повеселел.

— Люблю парней с юмором.

Гордон сказал Кашкину, как если бы Горышева не было:

— Тебе не кажется, что его следует оставить на Земле из чисто научных соображений? Ведь это же просто феномен. Я не так уж сильно разбираюсь в лавинах, ультразвуках и симпатической нервной системе, но что все эти совпадения не случайны, совершенно очевидно.

— Еще бы! — немедленно откликнулся Кашкин. — Три попадания из трех возможных! Какой прибор даст на первых порах такую стопроцентную точность! Приклеить миниатюрные датчики — и, пожалуйста, готовый лавиноскоп. Что там Дубровский с его опытами!

— Готово, — сказал Дубровский, захлопывая дверцу панели. — Так какой опыт собирается поставить на себе Горышев?

— Чудо! — воскликнул Горышев. — Свершилось! Вы свидетели. Дубровский произнес первую остроту. За месяц. А может быть, первую в жизни. Занесем в протокол.

— Почему острота? — удивился Дубровский. — Я говорю серьезно.

— О боги! Есть отчего занять зубам, — простонал Горышев. С видом мученика он замотал головой.

— Что, следует ждать лавины? — осведомился Кашкин.

И тут же послышался свист. Затем донесся шум как от далекого поезда и звук удара.

— Наружный канал действует, — удовлетворенно сказал Дубровский. — Лавиноскоп сработал.

— Горышев тоже, — в тон ему заметил Кашкин. — Все оборудование в исправности.

— Горышев среагировал раньше, — уточнил Гордон. — Так и занесем в протокол.

Что-то в тоне Гордона насторожило Горышева. Тон был слишком серьезен.

— Вы этого не сделаете!  
Горышев с тревогой и надеждой смотрел на Кашкина и Гордона.

— Почему же, — сухо сказал Гордон. — Мы обязаны это сделать. Наука не может проходить мимо таких фактов.

— В конце концов это не по-товарищески, — лицо Горышева искривилось.

— А вы можете судить, что такое по-товарищески, а что нет? — сказал Гордон. — Вы даже не заметили, что сейчас происходит товарищеский суд. Ваши товарищи, ваши коллеги выносят свое суждение о вас. Двое уже проголосовали «против».

У Горышева сделалось удивленное лицо.

— Что я сделал нетоварищеского? По отношению к кому?

— К Дубровскому.

— Я?! — Горышев широко раскрыл глаза. — Я полез смотреть лавиноскоп только для того, чтобы обрадовать его. И меня засыпало лавиной. Не откопай вы меня в последний момент, вам не было бы сейчас кого судить.

— Это разные вещи, — сказал Гордон. — Я имею в виду историю со снежным человеком.

Горышев все еще ничего не понимал:

— Обыкновенный розыгрыш. Занятие скульптурой — мое увлечение. Я потратил неделю: мне хотелось произвести полный эффект. Он все сорвал, сказав, чтобы я сам сообщил на Землю о своей находке.

— А вы представляете, — холодно произнес Гордон, — хотя бы сейчас представляете, что произошло бы, если бы Дубровский радировал о вашем снежном человеке? Над кем смеялся бы весь мир?

— Есть границы розыгрыша, — подтвердил Кашкин. — Одно дело в студенческой компании, другое — на всю планету. Юмор где-то уже кончается. Название другое.

Горышев в растерянности смял салфетку.

— Мы, совершенно очевидно, по-разному понимаем, что такое юмор, — заметил Гордон.

— Ну что ж, все прояснилось, — сказал Кашкин. — Ему не терпелось закончить неприятный разговор. — Остается расписаться в книге дежурств. У нас больше вопросов нет.

— А я? — завопил Горышев. — А как же я? Это ваша... шутка?! Вы...

— Обыкновенный розыгрыш, — жестко произнес Гордон. — Так, кажется, вы называете подобные шутки. Теперь вы ощутили, что это такое? — Но тут же сжалился: — Ладно, насчет зубов мы действительно пошутили... Но если говорить серьезно, то, откровенно говоря, у вас, по-моему, только один шанс.

Горышев с надеждой посмотрел на Гордона.

— Дубровский, — сказал тот.

— Да уж такого кроткого парня поискать во всей вселенной, — кивнул Кашкин.

— Провожать не нужно, — сказал Дубровский. — И так потеряно много времени.

Он щелкнул тумблером. На стене засветился экран.

— Вот, можете глядеть.

## 7

Две фигуры на экране медленно двигались к вихрелету. Одна, высокая, шагала спокойно, другая, маленькая, подсакивала и размахивала руками.

— Шутки шутками, — засмеялся вдруг Гордон, — но самое смешное будет, если между зубами и лавинами и на самом деле обнаружится связь. В принципе исключить этого нельзя. Но первое самое серьезное испытание выдержал ты, — сказал он другим тоном. — Если бы не ты, не твоя догадка и энергия, Дубровский и Горышев лежали бы под снегом. С тобой, мне кажется, не пропадешь!

Вихрелет поднялся над площадкой и исчез за выступом горы.

— Интересно, — подумал Кашкин вслух, — что будет с нами через месяц?

И ответил:

— Я, наверное, стану более сдержанным. Обзаведусь методичностью. Ты, наоборот, прихватишь от меня избыток легкомыслия.

На лице Гордона появилось знакомое Кашкину выражение каменного упрямства. «Я свой характер так просто менять не собираюсь», — перевел он.

Кашкин вздохнул.

— Один протоколист останется, каким он был, — продолжал он рассуждать. — А ведь мог бы набраться качеств от каждого практиканта. Вот бы стал занятным собеседником. Было бы с кем коротать часы. Хоть и машина...

— Протоколист должен оставаться протоколистом, — возразил Гордон. — Он протоколирует, и на этом его функции кончаются. Его записи психологи проанализируют потом с помощью других машин. Здесь испытываются, а точнее сказать, притираются характеры людей. Машина не должна участвовать в игре.

— А ты разговорился, — обрадовался Кашкин. — В первый час ты не вымолвил и десяти слов.

— Просто я стараюсь обходиться без слов, без которых можно обойтись. Если слово не содержит информации, зачем оно? Слова служат для передачи мыслей.

— А разве любые слова, произносимые человеком, не содержат информацию?

— Вопрос — о чем?

— Мало ли о чем. О чем угодно. О чувствах человека, о его настроении.

— И даже о его характере, — усмехнулся Гордон. — Например, о болтливости, о растрепанности чувств. Такую информацию достаточно получить один раз. В дальнейшем она уже не нужна.

— Кроме необходимости обмениваться мыслями, у человека

бывает и потребность делиться чувствами! — простонал Кашкин.

— Для этого слов нужно совсем немного. Одно-два. Остальные обычно не несут уже ничего нового.

— Но ведь человек не информационная машина! — воскликнул Кашкин. — Я говорю о чисто человеческих потребностях.

— Люди разные, — пожал плечами Гордон. — Одному нужно одно, другому — другое.

Начался первый спор.

«Ну, кажется, мне работы хватит», — мог бы подумать протоколист, если бы машина могла думать.

